

НАТАЛЬЯ КОЛЕСОВА

Сказки Волчьего полуострова

КОРОЛЬ
НА ПЛОЩАДИ

Москва

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Разработка серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *И. Кругловой*

Колесова, Наталья Валенидовна.

К60 Сказки Волчьего полуострова. Король на площади / Наталья Колесова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-699-91783-9

На площади Риста встретились совсем непохожая на своих «коллег» уличная художница и Человек С Птицей, веселый городской бродяга. За спиной у каждого немало воспоминаний и секретов: портреты, нарисованные Эммой, живут загадочной жизнью, а беспечный Кароль, по мнению художницы, — тайный королевский шпион. Ведь недаром его раз за разом пытаются убить: ночные наемники, опальные колдуны, а потом и затеявшие переворот заговорщики. И Эмма волей-неволей тоже оказывается втянута в эти опасные игры, которые, как выясняется, имеют к ней самое прямое отношение...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колесова Н., 2016

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-91783-9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ХУДОЖНИЦА

Глава 1

В которой Человек С Птицей
рассказывает про улов

— **И** какой сегодня улов, Король? — спросила я.

Король, усевшийся рядом со мной, с показным кряхтением вытянул длинные ноги. В клетке рядом с ним возбужденно чирикала и прыгала по жердочкам серая невзрачная птичка, с которой Король не расставался. Я так и не смогла выяснить, какой Джок породы, но пел он будто кенар, а то и вовсе соловей.

Король вздохнул:

— Целый день проболтался, ноги гудят, а всего-то парочка жалоб — на нерадивого мужа да на судью-мздоимца...

— И впрямь, нет бы молодая вдовица опять подробненько рассказала про приставания соседа бесстыжего! — поддразнила я.

Король дернул бровью, блеснул под темными усами белозубой усмешкой.

— Хоть за людей порадоваться!

Я укоризненно качнула головой.

— А вдруг она женщина честная?

Король откровенно расхохотался:

— С такой-то грудью? Да с такой б... таким блеском в глазах?

И этакой грудью она норовила к нему ненароком прижаться. Ну, тому всегда можно найти объяснение — в базарный день на площади толчея, то пихнут, то голова от суеты закружится. А Король у нас мужчина видный...

Король точно прочел мои мысли, улыбнулся быстрой улыбкой — от прищуренных глаз морщинки лучами. Откачнулся назад, оперся на локти, рассматривая мой рисунок.

«У нас» — потому что за несколько месяцев, проведенных на площади, я начала относиться к ее обитателям как к разношерстным, разновозрастным, то ближним, то дальним, но соседям по дому. А соседей и родственников, как известно, не выбирают. С Королем же я познакомилась не так давно, хоть и слыхала о Человеке С Птицей, который выслушивает чужие горести, и оттого они якобы уменьшаются... Бродячий исповедник? Или лекарь душ?

Ни на исповедника, ни на врача Король не тянул. Долговязый, заросший темной щетиной, взлохмаченный, одежда — добротная, но изрядно помятая и пыльная. Лишь клетка Джока всегда оставалась чистой, прутья блестели на солнце, как полированное серебро.

Благодаря Джоку мы и познакомились.

...Я подняла глаза, когда серая маленькая птица вспорхнула на мой этюдник. Наклонила голову, рассматривая меня то одним, то другим черным глазом. Нерешительно чирикнула. Прикормленная? Ручная? Я осторожно протянула палец — птичка тут же, словно того ожидала, перепорхнула на него, проворно про-

бралась по руке на плечо и принялась щипать меня за волосы и ухо. Я, посмеиваясь и жмурясь, осторожно отпихивала сверх меры общительную птицу, когда услышала свист и зычное:

— Фью! Джок! Джок! Фью! Где ты, койкас¹ тебя по-бери!

Сквозь базарную толпу стремительно пробирався рослый мужчина. Птица неожиданно издала звучную и сложную трель. Мужчина остановился прямо передо мной, уперши кулаки в бока. В одной руке его была клетка.

— Вот ты где! — произнес, нисколько не понизив голос. Перевел синие глаза на меня, сказал раздраженно: — Отдай мою птицу!

Я с неприязнью покосилась на клетку.

— Птицелов?

— Хозяин, — отозвался незнакомец. И тут же доказал это, издав переливчатый сложный свист — ничуть не хуже своей птицы. Пернатый послушно вспорхнул ему на плечо, а потом и в распахнутую дверцу клетки. Наверное, в неволе было ему привычно и уютно. — Ну вот, — мужчина захлопнул дверку и довольно забарабанил пальцами по прутьям. Глядел на меня уже с любопытством. — Не видел тебя раньше, художница!

— Да и я тебя тоже, — отозвалась я.

— Что рисуешь?

Он обогнул этюдник, наклонился, разглядывая набросок. Я раздраженно отодвинулась, когда прядь его темных волос коснулась моей щеки.

— Ну да, давай еще размажь мне краски своим длинным носом!

---

¹ Черт.

— Не размажу, — серьезно пообещал он. Выпрямился и так же тщательно оглядел меня. В подробностях. Хотя что там рассматривать особо: светлые волосы узлом, веснушки на носу, глаза серые, губы неяркие, подбородок круглый; белая косынка поверх синей блузы, немаркая юбка да удобные башмаки...

— Хорошо! — заключил Человек С Птицей.

Я вздернула подбородок.

— Я хороша — или рисунок?

— Все хорошо! — твердо заявил он и ушел, перестываясь со своей птицей.

С того дня со мной перестала скандалить торговка рыбой: мол, я заняла ее место, хотя на полуразвалившемся крыльце до меня никто не сидел; мальчишка-булочник теперь подносил сдобу с пылу с жару, а ведь раньше его было не дозваться; а горшечник даже вылепил для моих красок маленькие плоски...

Раз Король одобрил меня, так тому и быть!

— Ты что, здесь главный? — допытывалась я. — Может, ты дань собираешь и потому решаешь, кому на площади быть, а кому нет?

Тот смеялся — он часто и охотно смеется.

— Конечно, главный, я же — Король!

Прозвали его так за сходство с королевским профилем, отчеканенным на монетах: правда, у того нижняя губа побрезгливее да нос попородистей. И прическа дивными локонами. Впрочем, если хоть часть рассказов о доблестных предках нынешнего короля Силвера правда, то минимум каждый десятый в Ристе должен походить на его величество. Да еще Кароль в подражание своему государю завел себе певчую птицу. Правда, он уверяет, что это, наоборот, Силвер у него собезьяничал...

— Да просто мое имя Кáроль. А потом переиначили, а я и не противился!

— Гляди, услышат кличку стражники, греха не оберешься, — предостерегла я.

Кароль-Король насмешливо улыбнулся, соглашаясь:

— И да, и в тюрьму меня за оскорбление его королевского величества! Характер-то у него премерзкий!

Я промолчала. Мнения и в Ристе, и за пределами страны были противоречивыми, поговаривали о нраве королевском мрачном и вспыльчивом. А уж когда, не доехав в свадебном поезде даже до столицы, сбежала его невеста из сопредельного княжества, слухи просто полыхнули пожаром: ох, недаром девица сбежала, а то и вовсе утопилась (со скалы сбросилась, яду приняла)! Правда, были и те, что короля жалели — все больше сердобольные женщины, — поговаривали, что невеста сама была беспутная да вздорная, не иначе как с любовником сбегла, и на что нам, скажите, такая королева, а королю — супруга?

Только боги знают, как сам король принял известие о побеге нареченной, но в монастырь не ушел, войну Нордлэнду за неслыханное оскорбление не объявил — и то сказать, несостоявшийся тесть, схватившись за голову, вместе с ним организовал честнейшие поиски, да только девица словно в воду канула... Может, и впрямь в воду? А нрав свой буйный король выразил лишь в том, что устраивал внезапные набеги-проверки на военные гарнизоны, на королевские заводы да на зажавшихся глав провинций. Так что стенали и роптали теперь военачальники да управляющие, а простой люд толковал, что не так уж вредно для него (народа) королевское безбрачие...

Кароль-Король появлялся непредсказуемо: то неделями отсутствовал, то чуть не каждое утро на площадь заглядывал; то на минутку, то целыми днями неподалеку со своей птицей пересвистывался. Хотя, конечно, больше с людьми разговаривал — всегда находился тот, кто хотел с ним поделиться наболевшим. А если не было такого, так Король выискивал собеседника сам.

А когда не находил, приходил смотреть, как я рисую.

Хотя народ во Фьянте куда темпераментнее и говорливее, чем здесь, в Ристе, но времена учебы в Школе уже давно миновали, и я успела отвыкнуть, что у меня за спиной толкутся, назойливо комментируют, да еще и подсказывают, какую «красочку» положить следующей.

Кароль не мешал. Иногда, увлекшись, забывала о его присутствии, как и не замечала ухода. Когда же отдыхала, рисуя портреты или заказные «картинки», мы разговаривали о том о сем, и это настолько вошло в привычку, что иногда мне даже не хватало нашей ленивой беззаботной болтовни.

Поначалу Король, как и остальные обитатели площади, пытался разузнать обо мне побольше. Я отмалчивалась и отшучивалась: мол, не столько у меня в жизни горестей, чтобы он тратил на них свое золотое время. Король отступился — но, кажется, лишь до поры.

* * *

Дама Грильда и не подозревала, что старый знакомец завернул проведать ее не просто так. Но раз тот охотно и сочувственно выслушал перечисление и симптомы всех ее многочисленных хворостей, у Гриль-

ды улучшилось настроение, и она продолжила свою болтовню дальше. Дошла и до бедняжки-художницы, снявшей комнату наверху. Слишком молода для вдовства. Овдовела недавно, потому и слова не вытянешь про мужа-бедняжку. Только и сказала, что был он художником и слаб здоровьем, а она при нем помощницей. Сразу видно, не из простых, ученая, чисто плотная, вежливая, тихая и платит в срок. Что еще требуется, правда?

Он подозревал, что Грильде требуется как раз большего: чтобы тихая вдовушка разговорилась наконец, поведала свою родословную до седьмого колена, да как она познакомилась с бедняжкой мужем, да сколько людей было на свадьбе и почему у них не случилось деток, как он умирал и как она, рыдая горько, шла за гробом... И искренне зауважал художницу: держаться так стойко под непрерывным натиском Грильды неделю за неделей, месяц за месяцем — для этого нужно иметь поистине железную волю! Вот почему она так умело и ловко ускользает от его вопросов!

Ему нравилось смотреть, как Эмма рисует. Его вообще привлекали люди, умеющие делать то, чего не умеет он сам, — пусть то дар богов или искусство, развитое годами усердной работы. А здесь нравилось и что художница делает, и как она это делает. Как морщинка пролегает между строгих пепельных бровей, как Эмма закусывает нижнюю губу, как раз за разом убирает выбившуюся из тугого узла пушистую прядь, не замечая, что марает краской лицо...

А еще она напоминала ему птицу. Настороженную птицу, наблюдающую за тобой ясными светлыми глазами, готовую вспорхнуть от твоего неосторожного движения. Или неосторожного вопроса.

Но с птицами он умеет обращаться. И с певчими, и с ловчими. И даже с дикими лесными. Сумеет приручить и эту.

Только не надо торопиться...

Глава 2

В которой обнаружено место монаршего отдохновения

— Как ты этого добилась?!

Кароль был потрясен.

Он смотрел, как, сморкаясь, непрерывно ругаясь и сыпля междометиями, шел по площади старый моряк Джорджия. Старик то и дело спотыкался, потому что нес перед собой картину и не отрывал от нее мокрых глаз.

— Дак... что же это... койкас и присные его... оно... вот же оно... ах ты ж, проклятая ты баба!.. — доносилось до нас.

Я осторожно повела плечом, потом шеей. Когда Джорджия стиснул меня в объятиях, что-то во мне непоправимо хрустнуло и никак не желало возвращаться на место. Я даже не могла как следует вздохнуть.

— Я просто написала для него картину.

— Угу. И из-за этого «старая соль»¹, пират и контрабандист, плачет, словно дитя! Что ты ему такого нарисовала?

— Ничего особенного. Ночь. Море. Корабль.

Я начала складывать кисти и краски. Все равно работать сегодня не смогу: картину я писала до самого

---

¹ Морской волк.

рассвета. Король бросил взгляд на мои дрожащие руки — прекрасно, теперь он решит, что я по ночам глущу наливку своей почтенной хозяйки! Молча забрал у меня этюдник. Покушался и на сумку — тут уж я не отдала, никому не доверю драгоценные краски и кисти, стоившие мне целое состояние.

Джок, ехавший в клетке на плече хозяина, беззастенчиво насвистывал, мы же шли молча. Чувствуя себя снулой, а то и подчистую выпотрошенной рыбой, я глядела под ноги, мечтая лишь побыстрее добраться домой... то есть до дома дамы Грильды. И потому не заметила, что мы свернули не туда.

— Сядь, — сказал Кароль.

Я подняла голову и удивилась:

— Где это мы?

Широкий парапет отгораживал от крутого обрыва небольшую, выложенную булыжником террасу с единственной каменной скамьей. Над ней нависали упругие ветви золотого дождя и пышные купы сирени... прекрасное цветовое сочетание, я даже прикинула, какие краски в какой пропорции смешать для получения такого эффекта. Подняв голову, обнаружила выше по склону террасы старого Королевского парка, обрезанные поверху серой дворцовой стеной. Проследив мой взгляд, Кароль улыбнулся.

— В моих садах, разумеется. Где еще монарху искать уединения и отдохновения? Присядь и ты.

— Послушай, Кароль, я очень устала и...

— Так отдохни. — Мягко надавив на плечи, он усадил меня на скамью. Со вздохом я подчинилась и обнаружила, что скамья удивительно удобная. Кароль поставил рядом со мной клетку со своим драгоценным Джоком и нырнул в цветущие заросли.

— Кароль, но это не смешно!

— Сиди спокойно, никто сюда не придет! — И только ветки закачались.

Я ответно качнула головой и огляделась. И впрямь следов пребывания людей здесь не наблюдалось. Лишь птичий помет на парапете да осыпавшиеся подсохшие цветы под ногами. От взгляда вперед у меня перехватило дыхание: с такой точки Рист я еще не видела, а уж, казалось бы, за несколько месяцев обошла весь город вдоль и поперек! Неровная подкова кобальтовой бухты с кажущимися отсюда игрушечными кораблями; желтоватые скалы с прилепившимися к ним красными черепичными крышами белых домов, бесконечными мостиками, балкончиками и террасами; поверху — волны и уступы городских улиц, а внизу — туманно-синий бархат моря, соединяющийся на горизонте с голубым шифоном неба...

Вернувшийся Кароль застал меня навалившейся на парапет и пожирающей взглядом мою будущую картину. Произнес с легким удивлением:

— Как, ты еще не начала делать наброски?!

— Так ты специально привел меня сюда — показать бухту?

Опять эти выразительные смешливые морщинки — пожалуй, лучше всего они могут удаться в угле...

— Просто решил поделиться с тобой кусочком меня!

— А... — и я прервала себя, принюхиваясь: из его сумки струились умопомрачительные запахи. — Что это там у тебя такое?

Подмигнув, он театрально медленно извлек кусок завернутого в холст пирога, глиняный горшок с жирной горячей похлебкой и пару деревянных ложек.

— Откуда?!

Кароль мотнул головой наверх.

— Ах ты... проныра! Свел дружбу с какой-нибудь дебелией дворцовой поварихой?

— Молчи и ешь, — велел Кароль. — Тебя-то дебелией назовут не скоро!

— И слава богам, — пробормотала я, погружая ложку в густую похлебку.

А наш Король неплохо устроился: наверняка в Ристе найдется немало женщин, питающих слабость к сладкоречивому Человеку С Птицей! Тут еда, там ночлег, пара-тройка монет на площади... И тихое чудесное место для «отдохновения».

Придержав ложку, я вскинула глаза. Кароль сидел, вытянув длинные ноги и вперив задумчивый взгляд в горизонт. «Поделиться кусочком меня». А ведь он впервые не расспрашивал, а что-то рассказал о себе. Показал...

— Спасибо тебе, добрый человек, накормил, наполнил, — шутливо сказала я, отодвигая пустую посуду. — Какую плату теперь потребуешь?

Кароль встрепенулся, повернулся и устремил на меня столь же задумчивый взгляд. Я вопросительно вскинула брови.

— Итак?

— Ты сможешь нарисовать для меня все это? — спросил он неожиданно.

Я опять навалилась на парапет, рассматривая бухту.

— Ее можно писать бесконечно — на рассвете, на закате, ночью, в шторм и в знойный безветренный полдень... Но зачем? Ведь в любой момент ты можешь увидеть бухту и без моих картин.

Кароль улыбнулся.

— Но когда-нибудь я стану слишком старым, чтобы подняться сюда. А мне захочется увидеть ее вновь

и, может быть, всплакнуть, как плакал сегодня Джорджия...

Я вздохнула. Ясно. Все тот же вопрос, только заданный более длинным и окольным путем. Ну что ж, за этот прекрасный обед, а пуще — за этот прекрасный вид — я могу и ответить тебе, Человек С Птицей...

— Я нарисовала его воспоминание.

Кароль поощрительно молчал, и я продолжила:

— Джорджия как-то рассказал мне о штале в южных морях: полнолуние, светящееся море, одинокий корабль... А наутро разыгрался шторм, стувивший чуть ли не половину экипажа. Этот рассказ долго не отпускал меня... потом рассказ превратился в картину. И вот несколько ночей назад я встала и натянула холст... И закончила. Сегодня.

Кароль помолчал, разглядывая меня.

— То-то я смотрю, ты на привидение похожа... Не ела, не спала?

Я пожала плечами.

— Ну почему же... Что-то безусловно ела. И спала. Иногда. Мой учитель называл это одержимостью.

— Учитель?

— Мастер Гилмор из Художественной школы во Фьянте.

— Ты училась во Фьянте? Но это же стоит целое состояние! — ужаснулся Кароль.

Я засмеялась.

— Да много ли школяру надо? Кусок хлеба да глоток родниковой воды! Ну, еще крыша над головой во время ливня. А так... Если кто-то из мастеров выбирает себе ученика, тот обучается бесплатно.

— Тебя выбрал мастер по имени Гилмор? И там же ты познакомилась со своим мужем?

Я помолчала. Бедный-бедный Пьетро. А ведь мы были тогда счастливы: юные, беззаботные, впервые хлебнувшие пьянящий воздух свободы, гордые и удивленные собственным Даром...

— Да, — кратко сказала я. — Он уже тогда был болен. Чахотка.

Кароль сочувственно качнул головой, понимающе прищелкнул языком — и я даже не успела заметить, как начала рассказывать о тех бесконечных и быстротечных днях, заполненных солнцем и смехом, пропитанных запахами красок, моря, цветов и спелых фруктов. Два года — всего два года моей жизни! — а кажется, их хватит, чтобы весь век мечтательно перебирать жемчужины драгоценных воспоминаний...

Даже Джок притих, сидя на своей жердочке и глядя на меня то одним, то другим поблескивающим глазом.

— Ты была там счастлива?

— Да...

И когда успел наступить вечер? И отчего это я так разговорилась? В первый раз поддалась обаянию Кароля — одного из тех редких людей, кто умеет настоящему слушать. Надеюсь, что и в последний — слишком уж это неожиданно... И опасно.

Кароль скрестил на груди руки и уставился невидящим взглядом на солнце, погружавшееся в море. Прознес веско, как будто вынес решение суда:

— Я не могу вернуть тебя в те дни, не могу оживить твоего мужа, но у тебя по-прежнему остается твой талант.

И самообладание. Дар и самообладание — вот что неустанно повторял нам Гилмор. Дар, слава небесам, меня не покинул, а вот самообладание... Последнее, как я уже убедилась, могло испариться в самый неподходящий момент.